

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	9
1. ШИШКОВ, ПРОСТИ... О СТРАХЕ ПЕРЕД ЗАИМСТВОВАНИЯМИ И ЯЗЫКОВОМ ПУРИЗМЕ	15
2. СЛОВА И ВЕЩИ, ИЛИ ДЛЯ ЧЕГО ЭЛЬФУ ПЕЙДЖЕР	33
3. ГЛАГОЛ ЖЖОТ!	49
4. КОЛПАК, ПРОТИВЕНЬ И РЫНДА: КАК РАСКОЛОТЬ ИНОСТРАННОГО АГЕНТА	59
5. ВЕРБЛЮДОСЛОН, РАЗРЕЗАННЫЙ ОМНИБУС И NADSAT: ПОХОЖДЕНИЯ СЛОВ	73
6. ЭТО НЕ МОЕ КОФЕ, ИЛИ КТО БОИТСЯ ТРАНСГЕНДЕРОВ?	91
7. ИНСУЛЬТ ТУНИКИ, ИЛИ ЛОЖНЫЕ ДРУЗЬЯ ПЕРЕВОДЧИКА	101
8. "СКАЖИ: КОТОРАЯ ТАТЬЯНА?" НЕМНОГО ОБ ИМЕНАХ СОБСТВЕННЫХ ..	117
9. И ВСЁ ЭТО ТОЖЕ СЛОВА!	135
10. ПАПА, ЛОШАДИСТ ПОЕХАЛ!	153
11. ОЧАРОВАННАЯ ЛИЧНОСТЬ НЕ В СИЛАХ СОСРЕДОТОЧИТЬСЯ	175
12. ПОДЪЕЗЖАЯ К СИЕЙ СТАНЦИИ... У МЕНЯ СЛЕТЕЛА ШЛЯПА	193
13. ВОЛК В ОВЕЧЬЕЙ ШКУРЕ НА ЯРМАРКЕ ТЩЕСЛАВИЯ	207
14. ЛЕВИАФАН, ФАНТОМАС И МАГИСТР ЙОДА: В МИРЕ КУЛЬТУРНЫХ АЛЛЮЗИЙ	227
Заключение	245
Примечания	249

ПРЕДИСЛОВИЕ

Тема заимствованных слов по какой-то причине, несомненно, глубоко волнует нас. Ее поднимают в школьных учебниках русского языка, в пособиях по стилистическим нормам речи, в книгах по истории языков, в популярно-занимательной литературе (такой, например, как замечательная брошюра Н. А. Еськовой, которая так и называется — “Популярная и занимательная филология”)¹.

Вместе с тем популярные экскурсы в область заимствований, выходящие в России, отличаются некоторой однобокостью — они, как правило, пишутся филологами-русистами, причем в рамках либо истории русского языка, либо нормативных пособий по культуре речи. О самом существовании такого явления, как языковые заимствования, широкий читатель узнаёт впервые из школьного учебника по русскому языку. В результате сложнейший и интереснейший феномен языковых заимствований сводится к проблеме “иностранных слов в русском языке”. Нередко авторы учебников и научно-популярной литературы ограничиваются констатацией того, что в такие-то исторические эпохи в русский (реже другой) язык вошли определенные слова и что многие столь привычные нам слова — чужестранцы: *огурец*, *каблук*, *шуба* и т. д. Часто к тому же начинается дискуссия о том, стоит ли употреблять иностранные заимствования и как к ним относиться: это ужас-ужас-ужас или вполне нормальное явление? Обсуждения эти обычно заканчиваются

выводом, что, с одной стороны, заимствования обогащают язык и без них не обойтись, с другой стороны, злоупотреблять ими вредно, потому что избыточные заимствования засоряют и портят родную речь². Но как определить, какие заимствования избыточны, а какие нет? И как вычислить “процент”, выше которого язык можно считать испорченным? Предполагается, что человек, слыша слово, не только способен мгновенно интуитивно определять, “свое” оно или нет, но и решать, не испортит ли оно родной язык. Иногда так и происходит. Но на чем основываются эти интуитивные догадки? И всегда ли они верны? Это один из вопросов, размышления над которыми побудили меня затеять этот труд.

Ни одной общедоступной книги о заимствованиях еще не написано — по крайней мере, для российского читателя. Поиск в “Гугле” выдает огромное количество специальной научной литературы об английских заимствованиях в русском языке, русских заимствованиях в бурятском, персидских в китайском и т. д., — но не о природе и динамике самого явления. Правда, была на эту тему замечательная публичная лекция Светланы Бурлак³. Что же касается научно-популярных книг, надо отметить “Русский язык на грани нервного срыва” М. А. Кронгауза⁴, где сделан ряд любопытных наблюдений о том, как функционируют заимствования. Но у Кронгауза эта тема рассматривается в числе других сдвигов языковой нормы (сленга, интернет-жаргона, бранной лексики и прочего). Анализу судеб отдельных заимствований посвящен ряд эссе в сборнике И. Б. Левонтиной “О чем речь”⁵, которые ранее выходили в форме газетных колонок “Ворчалки о языке”. Но что такое заимствование вообще, по каким признакам мы его отличаем, почему оно возникает в языке, почему ему сопротивляются — книги об этом пока нет. Мне же всегда казалось, что, если не существует книги, которую мне хотелось бы прочитать, — значит, ее нужно написать. Итак, я попробую это сделать.

Тут не обойтись без некоторых важных оговорок, как сейчас говорят в интернете, *дисклеймеров* (тоже заимствованное слово). Эта книга — не о происхождении слов, хотя отчасти и затра-

гивает этимологические вопросы. Для справок о происхождении слов существуют соответствующие словари. Этимология, стремясь докопаться до того, что было “в самом-самом начале”, неизбежно вынуждена упираться в реконструкции доисторических праязыков, которые, понятное дело, имеют гипотетический характер. Здесь эта тема подниматься не будет. Эта книга также не является энциклопедией заимствований и не ставит цель перечислить все заимствования или хотя бы дать их исчерпывающую классификацию. Поэтому не стоит ловить автора на упущениях — мол, в книге не упомянуто то-то и то-то. Задача книги — показать, как взаимодействуют между собой языки, как возникают заимствования, что именно заимствуется (вовсе не только слова!) и как складывается судьба заимствований в истории. Тем читателям, которые подробно интересуются происхождением конкретных слов русского языка, рекомендую книгу В. В. Виноградова “История слов”⁶, а также этимологические словари М. Фасмера⁷ и П. Я. Черных⁸.

Кроме того, следует подчеркнуть, что, хотя природу и механизмы заимствований я буду в первую очередь иллюстриро-

вать примерами из русского — потому что книга адресована русскоязычной аудитории, — мои размышления посвящены не русскому языку, а языку вообще. Моя основная специальность — английский язык, и здесь он на втором месте по количеству использованных примеров. Я привлекаю также французский, немецкий, испанский и более экзотические языки из разных уголков земного шара.

Основное внимание в книге уделяется современным языкам, хотя время от времени придется делать экскурсы в Античность и Средневековье. Поскольку книга адресована неспециалистам и, возможно, людям без гуманитарного образования, для удобства читателей греческие слова передаются латинским алфавитом, а древнерусские и старославянские — по упрощенной системе, но с сохранением букв *ѣ*, *і*, *ѣ* (такая практика бытовала в советское время).

Многие люди интересуются историей языка; запросы “откуда происходит слово” или “заимствования в языке” чрезвычайно популярны в Рунете. К сожалению, популярны и некачественные источники информации — от устаревшей школьной литературы до откровенных городских легенд. В этой книге я старалась по возможности давать ссылки на квалифицированную литературу, написанную профессиональными специалистами по языкознанию. Допуская, что иных читателей может нервировать большое количество ссылок на иностранные источники, в основном на английском языке, я привожу их в конце книги. К тому же в современной научно-популярной литературе по биологии и медицине это норма.

И конечно же, автор предвидит критику со стороны собратьев по филологической профессии — поскольку, как любая научно-популярная работа, моя книга затрагивает огромное количество материала, который лучше знаком узким специалистам, и имеет дело с небесспорными концепциями и выводами. Я готова прислушаться к замечаниям, а также приветствую любые альтернативные попытки рассказать читателям о языке с других точек зрения.

.....

Мои благодарности:

- Сергею Ястребову, биологу и научному журналисту портала Elementy.ru, за интерес к рукописи моей книги и помощь с поиском издателя;
- Павлу Подкосову, руководителю издательства “Альпина нон-фикшн”;
- Ирине Фуфаевой, научному сотруднику Института лингвистики РГГУ, уступившей мне приоритет в написании этой книги, когда мы обсуждали с ней идею;
- всем коллегам и подписчикам моих страничек в “Фейсбуке” и ЖЖ, помогавшим мне с консультациями и материалами, поскольку я не смогла каждого отдельно поблагодарить в сносках.

Мария Елифёрова, декабрь 2019 г.

.....

1. ШИШКОВ, ПРОСТИ... О СТРАХЕ ПЕРЕД ЗАИМСТВОВАНИЯМИ И ЯЗЫКОВОМ ПУРИЗМЕ

Каждый раз, когда заходит разговор о заимствованиях и их роли в языке, с неизменным автоматизмом возникают две литературные реминисценции. Первая — знаменитое двестишье из “Евгения Онегина”:

Но панталоны, фрак, жилет —
Всех этих слов на русском нет.

Эта фраза превратилась в мем еще до изобретения слова *мем* (тоже заимствования), и я не могла удержаться, чтобы не процитировать ее в заглавии книги — она замечательна именно своей опознаваемостью: увидев ее, читатель сразу поймет, о чем идет речь. Более продвинутые участники обсуждения темы вспоминают также: “Шишков, прости: / Не знаю, как перевести”.

Второй литературный мем связан как раз с упомянутым Шишковым, о котором традиционно сообщается, что он предлагал переименовать *калоши* в *мокроступы*¹. Очевидная эстетическая и стилистическая нелепость этого слова комментариев не требует и именно поэтому призвана служить иллюстрацией нежелательных крайностей языкового пуризма.

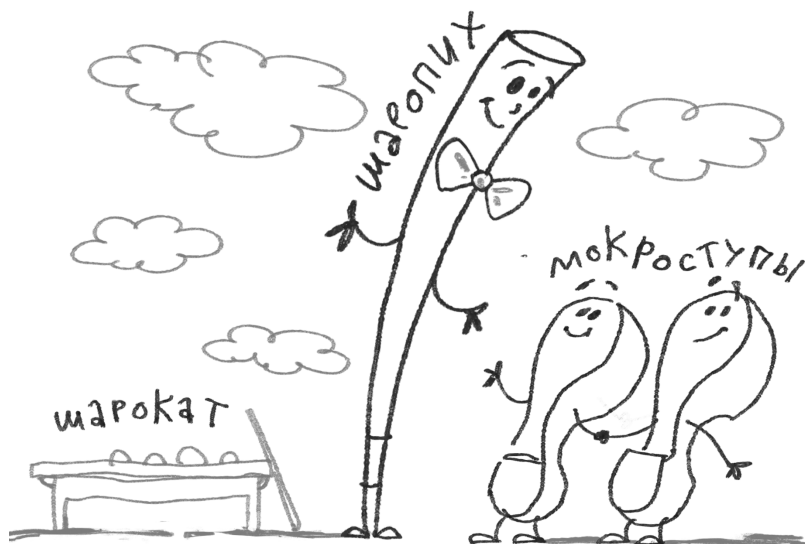
К сожалению, при изложении сюжета с *мокроступами* никто не ссылается на источник. Где и когда А. С. Шишков высказался по этому поводу? В журнальной статье, в письме, в дневнике, в частной беседе? Если устно, то откуда взяты эти сведения — из мемуаров какого-то знакомого? В общем, задача непростая. О роли Шишкова в литературной жизни пушкинской эпохи и о том, каких взглядов он придерживался на русский язык, написана обстоятельная работа Ю. Н. Тынянова “Архаисты и Пушкин”², которая и поныне очень авторитетна. Но как раз история с *мокроступами* там отсутствует.

Фигура Шишкова во многом мифологизирована, как и сама полемика между шишковистами и карамзинистами. И надо сказать, к мифологизации отчасти приложил руку и сам Шишков, используя недобросовестные приемы полемики, которые мы бы сейчас назвали битвой с бумажными тиграми. Так, современный литературовед О. А. Проскурин установил, что в своей полемической статье против карамзинистов “Рассуждение о старом и новом слоге” Шишков цитировал не Карамзина и его последователей, а забытого ныне графомана, имевшего мало отношения к карамзинской школе³.

Однако склонность к подлогам сыграла с Шишковым злую шутку: похоже, он сам пал жертвой клеветы. В “Рассуждении” никаких калош и мокроступов не фигурирует. К счастью, в наше время существуют интернет и электронные базы данных. Попытка уточнить, где и когда Шишков высказал такое предложение, привела к неожиданному результату: *мокроступов* в текстах Шишкова не обнаружилось!

Источником недоразумения, как выяснилось, является рецензия В. Г. Белинского на сборник “Сто русских литераторов”, написанная в 1841 г. (сейчас текст легко найти в интернете):

Нам скажут, что явления идеи и слова единовременны, ибо ни слово без идеи, ни идея без слова родиться не могут. Оно так и бывает; но что же делать, если писатель познакомился с идеею чрез иностранное слово? — Приискать в своем языке или составить соответствующее слово? — Так многие и пытались делать, но немно-

гие успевали в этом. Слово *круг* вошло и в геометрию как термин, но для *квадрата* не нашлось русского слова, ибо хотя каждый квадрат есть четырехугольник, но не всякий четырехугольник есть квадрат; а заменить *хорду веревкою* никому, кажется, и в голову не входило. Слово *мокроступы* очень хорошо могло бы выразить понятие, выражаемое совершенно бессмысленным для нас словом *галоши*; но ведь не насильно же заставить целый народ вместо *галоши* говорить *мокроступы*, если он этого не хочет. Для русского мужика слово *кучер* — прерусское слово, а *возница* такое же иностранное, как и *автомедон*. Для идеи *солдата*, *квартиры* и *квитанции* даже и у мужиков нет более понятных и более русских слов, как *солдат*, *квартира* и *квитанция*. Что с этим делать?

Как мы видим, Белинский не цитирует слова Шишкова — он пародирует его подход к языку, предлагая сконструировать слово *мокроступы*. Он и не утверждает, будто Шишков придумал это слово. На момент, когда писалась рецензия, Шишков был уже мертв, а полемика шишковистов с карамзинистами отошла

в область истории литературы. Но последующие поколения истолковали этот текст как прямое свидетельство о языкотворческих экспериментах Шишкова.

Распространился этот миф, по-видимому, благодаря В. П. Авенариусу, автору беллетризированной биографии Пушкина:

— Вот это, пожалуй, всего вернее, — согласился Жуковский. — Но тут вы, Вильгельм Карлыч, уж отступили несколько от Шишкова. А мало ли у нас совсем иностранных слов? Не имея никакой возможности приурочить их к славянщине, шишковисты изгоняют их все из родной речи и заменяют словами собственного изобретения. Так: проза у них — говор, номер — число, швейцар — вестник, калоши — мокроступы, бильярд — шарокат, кий — шаропих.

(“Юношеские годы Пушкина”, 1888)

Для Авенариуса, который на момент смерти Шишкова был двухлетним младенцем, а Пушкина и вовсе не застал, эта эпоха — что-то из области мифов и легенд. Он и обращается с ней как с мифом.

Так что, Шишков, прости. В *мокроступах* ты не повинен. Языковой пуризм, однако, вполне реальная вещь, и существует страна, в которой по части выдумывания слов перещегоолял Шишков. Речь идет об Исландии. Исторически процент заимствованных слов в исландском языке всегда был низок, а после обретения страной независимости их принялись целенаправленно изгонять, придумывая им замены на местной основе. Обратимся к крупнейшему знатоку исландского языка — М. И. Стеблину-Каменскому:

Огромное большинство исландских новообразований — это сложные слова, составленные из двух, реже из трех и больше слов, существовавших в языке и раньше. Такое сложное слово нередко представляет собой перевод греческих или латинских элементов, из которых состоит иностранное слово, обозначающее данное понятие. Другими словами, такое сложное слово нередко кальки-

рует соответствующее иностранное слово, состоящее из греческих или латинских элементов. Однако в то время как в языке, из которого это слово заимствовано, его “внутренняя форма” (т. е. его этимологический состав) понятна только тому, кто знает классические языки, в исландском она понятна любому исландцу. Другими словами, у такого исландского новообразования живая внутренняя форма. Так, например, говорящий на русском языке, как правило, не знает, что слово “космонавт” восходит к греческим словам *kósmos* “мир, небо” и *naútēs* “мореплаватель”; “метеорология” — к греческим *metēōra* “небесные явления” и *lógos* “слово”; “микроскоп” — к греческим *mikrós* “маленький” и *skopeîn* “смотреть”; “прогресс” — к латинским *pro-* “вперед” и *gressus* “шагание, ходьба”. Между тем всякому исландцу понятно, что *geimfari* “космонавт” происходит от *geimur* “небесное пространство” и *fari* “ездок”, *veðurfræði* “метеорология” — от *veður* “погода” и *fræði* “знание”, *smásjá* “микроскоп” — от *smár* “маленький” и *sjá* “смотреть”, *framsókn* “прогресс” — от *fram* “вперед” и *sókn* “продвижение, наступление”. Часто, однако, перевод компонентов иностранного слова далеко не буквален: компоненты исландского слова нередко описывают понятие более полно или более образно, чем греческие или латинские компоненты соответствующего иностранного слова. Так, например, по-исландски “электричество” (от греческого *ēlektron* “янтарь”) — это “сила янтаря” (*rafmagn*, от *raf* “янтарь”, *magn* “сила”), “истерия” (от греческого *hystéra* “матка”) — это “материнская болезнь” (*móðursýki*, от *móðir* “мать”, *sýki* “болезнь”), “витамин” (от латинского *vita* “жизнь” и *amín* название химического вещества) — “вещество жизни” (*fjörefni*, от *fjör* “жизнь”, *efni* “вещество”). Но всего чаще исландское новообразование состоит из компонентов, которые описывают обозначаемое ими понятие по-своему, а не калькируют соответствующее иностранное слово. Другими словами, внутренняя форма у этих слов не только живая, но и совсем иная, чем у их иностранных соответствий. Вот примеры таких слов: *skellinaðra* “мотороллер” (от *skella* “трещать”, *aðra* “гадюка”), *kvikmynd* “кинофильм” (от *kvikur* “живой”, *mynd* “образ”), *hugmynd* “идея” (от *hugur* “ум”, *mynd* “образ”), *skriðdrekki* “танк” (от *skrið* “ползание”, *drekki* “дракон”), *lágmark* “ми-

нимум” (от *lágur* “низкий”, *mark* “метка”), *tröllepli* “дыня” (от *tröll* “великан”, *erli* “яблоко”), *vígurð* “лозунг” (от *víg* “бой”, *orð* “слово”), *þjóðnýting* “национализация” (от *þjóð* “народ”, *nýting* “использование”), *stjórnskipunarlæg* “конституция” (от *stjórn* “управление”, *skipun* “устройство”, *læg* “закон”), *dagblað* “газета” (от *dagur* “день”, *blað* “лист”), *skopstæling* “пародия” (от *skop* “насмешка”, *stæling* “подражание”), *knattspyrna* “футбол” (от *knöttur* “мяч”, *spyrna* “пиннок”), *eldflaug* “ракета” (от *eldur* “огонь”, *flaug* “полет”). Таких новообразований в современном исландском многие тысячи⁴.

Чувствуется легкая зависть русского автора к исландцам, которым удалось то, что не удалось Шишкову. Хотя придирчивый языковед заметил бы, что, например, слово *dreki* “дракон” — заимствование из греческого, и тогда уж следовало бы использовать исконное исландское *ortur* (но вот беда, у него также есть значение “червяк”, совсем неподходящее для танка).

Приверженцами языкового пуризма проявляют себя в наше время французы, столкнувшиеся с беспрецедентной ситуацией — во второй половине прошлого века в их язык хлынул поток английских слов. До этого заимствования шли почти исключительно в обратном направлении. Французы чувствовали себя законодателями моды в культуре, а англичан рассматривали как варваров и пресекали всякие поползновения инородцев на корню. Так в 1829 г. за попытку поставить в одном из парижских театров неадаптированную версию пьесы Шекспира актеров чуть не побили — настолько задеты оказались представления парижан о высокой культуре (ничего не напоминает, дорогой читатель?). И вдруг роль законодателей моды перехватили не только англичане, но и, о ужас, американцы! Национацией овладела идея, что французский язык надо срочно спасать. Указом от 3 июля 1996 г. была создана Генеральная комиссия по терминологии и неологизмам, которая тут же принялась бороться с заимствованиями⁵. Я тогда училась в старших классах школы, в которой вторым иностранным языком был французский. Это и в самом деле незабываемый опыт — в одночасье узнать, что теперь нужно учить новые французские слова вместо тех, которые вы знаете по учебнику!

Особую ненависть французских пуристов почему-то вызывало слово “компьютер” (*ordinateur*), который с тех пор официально предписано именовать “ординатором” (*ordinateur*). Слово *ordinateur* в значении “компьютер” появилось как минимум с 1955 г., но многие носители французского языка предпочитали говорить *ordinateur*. Некоторые продолжают сопротивляться нововведению и сейчас: в самом деле, не называть же компьютерную музыку “ординаторной”⁶.

Ирония ситуации заключается в том, что английское слово *computer* — сравнительно позднее латинское заимствование, о чем можно догадаться по его форме и звучанию. Оно образовано от глагола *to compute*, то есть непосредственно перенесенного в английский язык латинского *computare* “вычислять”. Так что не очень ясно, чем “компьютер” хуже “ординатора” — такого же латинского заимствования.

Вместе с тем французы почему-то не возражают против слов “буржуа” (*bourgeois*, от германского *burg*, “город”; ср. англ. *borough*, *Edinburgh*), “синий” (*bleu*, англ. *blue*) или “пиво” (*bière*, англ. *beer*). Это несомненные заимствования, хотя и очень давние, восходящие к эпохе древних франков. Придирчивый лингвист, конечно, назвал бы их не заимствованиями, а субстратом — они остались с тех пор, как древние франки перешли на народную латынь, но сохранили кое-какие слова из своего прежнего языка. Заметим, их нефранцузское происхождение все еще очевидно: они легко узнаются в словах германских языков с теми же значениями, в том числе в английском. Но гонений на них никто не устраивает. Все это наводит на мысль, что наше восприятие субъективно и торопиться с выводами о том, заимствовано ли слово и портит ли оно язык, не стоит.

Попробуйте определить, какие слова из этого списка являются заимствованиями:

шрифт
менеджер
книга
богатырь

роза
 академик
 ябеда
 сундук
 монитор
 вино
 лошадь
 мерчандайзинг
 шапка
 сарафан
 бумага
 иллюстрация

Правильный ответ — все. Вне сомнения, любой читатель сразу выловит *менеджера*, *монитор*, *мерчандайзинг* и *иллюстрацию*, кое-кто вспомнит из учебника, что *сундук* и *богатырь* — тюркского происхождения, но далеко не каждому известно, что *шапка*, *вино*, *бумага* и *книга* — тоже заимствования. *Шапка* родственна французскому *chapeau* (с тем же значением) и восходит к латинскому *sarra* “головной убор”; *вино* — от латинского *vinum*; *бумага* происходит от тюркского *ратик* “хлопок” (да-да, это растение — однофамилец писателя Орхана Памука); даже привычная нам *книга* восходит к китайскому, хотя точные пути проникновения этого слова в славянские языки еще не установлены⁷.

Однако реакцию эти слова вызывают разную. Никому не приходит в голову воевать со словами *книга* или *бумага*. Даже *иллюстрация*, хотя ее иностранный облик очевиден, возражений не вызывает. А вот *мерчандайзинг* почти наверняка вызовет настороженность: что это еще, мол, придумали?

Существуют два несколько наивных объяснения страха перед заимствованиями. Первое — что слова, обозначающие данные предметы или явления, “уже и так есть в языке”: мол, зачем говорить *аудит*, если есть *проверка*? С этой точки зрения употребление иностранных слов — просто ненужное стремление “говорить красиво”. Однако слово заимствуется, как правило,

потому, что привносит какой-то новый оттенок смысла, которого у исконного слова не было. Это наглядно демонстрируют, например, работы М. А. Кронгауза и И. Б. Левонтиной: *бизнесмен* звучит более емко, чем *предприниматель*, а *шопинг* — не совсем то же, что *поход за покупками* в прежнее время⁸.

Вторая, более тенденциозная, гипотеза заключается в том, что “красивые” иностранные слова служат маскировке неприглядных реалий, придавая им респектабельный вид. Особенно любят в связи с этим приводить слово *киллер*, утверждая, будто оно придумано для того, чтобы не называть убийцу убийцей и затушевывать таким образом смысл его ремесла. Так, учебник Розенталя в постсоветской редакции цитирует слова академика Е. П. Чельщикова, жалующегося на “тотальную американизацию” русского языка:

Например, совершенно неприемлемо пришедшее из американского английского языка слово “киллер”, в котором размыта негативная оценка, содержащаяся в русском слове “убийца”. Сказать человеку “ты убийца” — это вынести ему суровый приговор,

а назвать его киллером — это как бы просто определить его профессию: “я — дилер, ты — киллер, оба вроде делом занимаемся”⁹.

Ему вторят авторы более свежей книги по теме языковых норм:

в этом отношении существительное *киллер*, относительно недавно... появившееся в русском языке. В той лингвокультуре, откуда пришло это имя, оно овеяно романтическим флером. Можем назвать с десяток кинофильмов Голливуда со звездами первой величины, повествующих о благородных киллерах, которые делают свою трудную и неблагодарную работу... Сейчас подобная продукция появляется у нас. Правда, несмотря на свою популярность, такие фильмы, как, скажем, “Брат” или “Бригада”, все же вызвали некоторые моральные сомнения даже у тех, кому они понравились. Режиссерам и актерам приходилось оправдываться, объяснять, как надо понимать образы созданных ими героев. Эти оправдания принимались, потому что *бригада* не *банда*, а *киллер* не *душегуб*... сложно опоэтизировать благородного убийцу, еще лучше — честного и мужественного наемного душегуба¹⁰.

Второй пассаж особенно удивителен. “Можем назвать с десяток кинофильмов Голливуда со звездами первой величины”, но отчего-то не называем ни одного. Мне из фильмов со звездами первой величины, где главный герой — вызывающий сочувствие киллер, в первую очередь вспоминается французский шедевр “Леон” Люка Бессона с Жаном Рено в главной роли. Надо ли говорить, что во французском языке слова *killer* нет? По-французски есть *tueur à gages* — “наемный убийца”, так что в фильме вещи называются своими именами. Французы бы обиделись, если бы их заподозрили во влиянии “романтического флера” английского слова.

Впрочем, оно даже и не совсем английское. Академику Чельшеву, востоковеду по специальности, простительно считать, будто оно пришло к нам “из американского английского”. (Интересно, кстати, почему именно из американского? Из-за ас-

социации “американского” с чем-то вредным и враждебным?) На самом деле в американском английском наемного убийцу называют *hitman*. В британском название несколько ближе — *contract killer*, но вторая часть отдельно в этом значении не употребляется. Слово *killer* — нейтральное, означающее “тот, кто убил/убивает”, оно широко известно хотя бы по названию косатки *killer whale*, “кит-убийца”, и с равным успехом может применяться к неодушевленным объектам, например эпидемиям инфекционных болезней¹¹. Русское слово *киллер* в его профессиональном прочтении — типичный псевдоанглицизм, казус, описанный в англоязычной литературе по языкознанию. Он известен и в итальянском¹². Как ни относиться к романтизации наемных убийц, американская “лингвокультура” в ней не виновата.

Что касается идеи, будто слово *киллер* придумано с целью завуалировать нежелательное явление и не называть убийцу убийцей, она относится к области чистого фельетона, а не языкознания. Невозможно себе представить, чтобы кто-то кому-то с почтением говорил: *Ты киллер*. Столь же невероятно, чтобы реальный преступник представлялся при знакомстве в респектабельном обществе: *Я киллер*. Зато это слово оказывается весьма полезным журналисту или следователю, так как содержит важную дополнительную информацию. В самом деле, *убийца* слишком общее слово (убийцей может быть и алкоголик, который стукнул соседа бутылкой по голове), нужно указать на конкретный вид преступления — заказное убийство. Особенность *киллера* в том, что он выполняет чужое поручение, и полиция обязана искать также и заказчика. Хотя в русском языке было выражение *наемный убийца*, оно отдает неуместными ассоциациями из исторических романов — мерещатся какие-то плащи, шпаги и перстни с ядом, не имеющие отношения к современным реалиям. К тому же язык при прочих равных обычно выбирает более короткое наименование.

Так что бессмысленно упрекать слово *киллер* в том, что оно не выражает моральной оценки — оно для этого не предназначено. (И, кстати, почему у ревнителей нравственности не вызывают отторжения *благородные разбойники*? Неужели они пола-

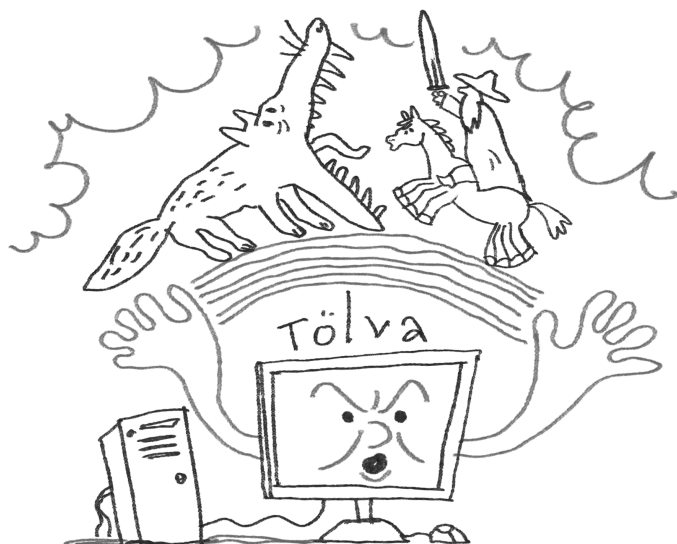
гают, что Робин Гуд и Стенька Разин, как в мультфильмах, никого не убивали?)

Большинство же заимствований обозначают вполне невинные вещи: ну кому и чем мешает деятельность *эйчара*, *копирайтера* или *криейтора*? И все-таки реагируют на них весьма бурно.

Любопытно, что абсолютно во всей литературе, посвященной речевым нормам, заимствования оказываются в одном ряду с жаргоном. Хотя многие жаргонные слова исконно русского происхождения — криминальные *наехать*, *беспредел*, *замочить* или молодежные *отвязный*, *предки*, *круто*. И тем не менее, когда речь заходит о “порче” или “засорении” языка, обвиняют “иностранные слова и жаргон”. То и другое ощущается как принадлежащее к одной категории. Не зря на портале “XXII век” появился диптих Ирины Фуфаевой — статьи “«Почему нельзя сказать то же по-русски?», или О мифе порчи языка заимствованиями”¹³ и “О мифе порчи языка. Часть 2. Словечки «с площади»”¹⁴. Выходит, и лингвисту, изучающему языковой пуризм, эти два страха — страх перед заимствованиями и страх перед жаргоном — интуитивно видятся как явления одного ряда.

Может быть, разгадка проста, и иностранные заимствования пугают нас просто потому, что эти слова **новые**? Людям свойственно бояться нового¹⁵. У психологов есть для этого явления специальный термин — неофобия. Страх перед новизной имеет глубокие эволюционные корни: новое может быть потенциально опасным. Так, мышам и крысам неофобия помогает избежать ловушек и отравленных приманок¹⁶. Но стоит ли нам брать пример с крыс? Кому и когда повредили новые слова, даже если они звучат неуклюже? Если же эти новые слова обозначают неприятные явления, то, может быть, бороться стоит не со словами?

Как это ни парадоксально, неофобия иногда наносит удар замыслам пуристов — когда предлагаемое ими “исконное” слово ощущается как более новое и непривычное, чем иностранное. Так, французской Комиссии по терминологии не удалось внедрить замену уже привычного *e-mail* на *mél*¹⁷. А вот исландцы успешно внедрили название для компьютера *tölva* — от *tala* “число” и *völva* “прорицательница” (Льюис Кэрролл завидует

в гробу!). Правда, при этом они не смогли отделаться от заимствований в словах *tölvupóstur* “электронная почта” (*póstur*, как и русское *почта*, заимствовано из латинского *positus* “гоним”) и *diskur* “диск” (заимствовано из греческого *dískos* “тарелка” или “спортивный снаряд такой формы”).

Опыт исландцев и французов часто служит аргументом в пользу того, что нужно “спасать язык”: дескать, раз уж у них там на Западе так делают, то нам стоит у них поучиться — исландцы и французы не дураки. Но вот забавно — на западный опыт в данном случае больше всего любят ссылаться те, кто к Западу испытывает антипатию и именно поэтому рассматривает иностранные слова как “засорение” языка.

Предполагается, что проникновение иностранных слов в лексикон ведет к порче языка, а она, в свою очередь, приводит к разрушению национальной культуры. Есть ли возможность проверить это утверждение? В естественных науках используется метод контрольных групп — например, чтобы проверить действие лекарства, наблюдают не только за мышами, которым его дают, но и за теми, кому не дают. Попробуем и мы найти язык,

который не пытались “лечить” от иностранных заимствований, и посмотреть, как это сказалось на национальной культуре.

Пример такого языка у всех перед глазами — это английский. Тот самый английский, который все нации, не говорящие на нем — будь то русские или французы, — подозревают в злонамеренной экспансии с целью порчи “нашего” языка и “нашей” культуры. Количество заимствований в английском огромно. Примерно половина из 1000 самых частотных слов английского языка в Британском национальном корпусе — заимствования¹⁸. И не стоит думать, будто это недавнее явление. Английский подвергается бурным наплывам чужеродных слов уже тысячу лет: скандинавских в IX–X вв., французских начиная с XI в. и вплоть до недавнего времени, латинских в эпоху Ренессанса, индийских в эпоху колониализма. Если взять первую попавшуюся цитату из Шекспира, в ней почти наверняка встретится заимствование. Русский читатель об этом не догадывается — мы не видим иноязычного следа в таких фразах, как “Быть иль не быть, вот в чем вопрос?” или “И грозноликий Бой чело разгладил”. А в оригинале первая цитата содержит одно заимствование (“To be or not to be: that is the *question*”), а вторая даже целых два (“*Grim-visaged War hath smoothed his wrinkled front*”). Если поэзия Шекспира — продукт разрушения языка и культуры, то дай бог всем такого “разрушения”!

В том, что у англичан сохраняется самобытная национальная культура, вряд ли усомнится даже завзятый англофоб. Более того, понятие национальной самобытности и родилось на английской почве, в XIV в., когда во всей остальной Европе люди еще считали себя просто “христианами”. Толчком к этому послужило достаточно случайное событие — английскому королю Эдуарду III не удалось получить французский престол, на который он позарился. Неутоленные амбиции Эдуарда вылились в Столетнюю войну и вместе с тем привели к первому опыту конструирования национальной идентичности. Эдуард принялся демонстративно противопоставлять английское французскому и поощрять письменность на английском языке. В следующем столетии английский язык стал государственным и появились

его письменные нормы. Однако ни Эдуард, ни его преемники не ставили цели изгонять из языка инородную лексику. Хотя в англоязычных странах, как и везде, существуют пуристы, пуризм в Великобритании или США никогда не играл важной роли. Знаменитый американский фантаст Пол Андерсон как-то написал шуточную статью “Созерцание неделимого” (Uncleftish Beholding), в которой попытался представить, как выглядела бы научная литература, если бы из нее исчезли все заимствованные слова. И показывает он это на примере атомной теории, как собственно и переводится словосочетание *uncleftish beholding*. Возможно, русскому читателю, привыкшему к словам *кислород* и *водород*, не покажутся смешными придуманные Андерсоном слова *sourstuff* и *waterstuff* (вместо *oxygen* и *hydrogen*), но у него и гелий стал “солнцедодом” (*sunstuff*)!

А ведь именно это делают с языком науки в Исландии. (Не приходится сомневаться, что об исландском языке Пол Андерсон имеет представление — он автор фантастического рассказа “Человек, который пришел слишком рано”, где американский солдат попадает в Исландию эпохи викингов; рассказ написан со знанием древнеисландской культуры и любовью к ней.) Как мы видим, то, к чему исландцы относятся на полном серьезе, для носителя английского языка возможно разве только в качестве экстремального пародийного эксперимента.

Чей подход к языку лучше? Плюсом исландского пуризма является сохранение исконного лексического запаса языка, которое дает возможность сохранять непрерывность литературной традиции — понимать без специального лингвистического образования тексты саг, написанные несколько столетий назад, и творчески использовать их языковые ресурсы. Однако издержки существенны: их научно-техническая терминология никому не понятна за пределами исландской языковой среды, тогда как во многих языках она носит международный характер. Даже если вы не владеете, скажем, итальянским, вы, скорее всего, поймете инструкцию по обращению с бытовым прибором, сделанным в Италии. Исландские же надписи поставят вас в тупик. Можно также усомниться, что для самих исландцев

конструкции вроде “сила янтаря” более прозрачны по смыслу, чем для нас *электричество*, — ведь знание о том, что электричество впервые получили путем трения янтаря, для современного человека совершенно неактуально. Да и всегда ли этимологическая прозрачность заимствований нужна и полезна носителям принимающего языка? Например, наше слово *гимназия* происходит от греческого *gymnós* “голый”: древние греки, как известно, занимались физическими упражнениями в обнаженном виде, а помещения для тренировок назывались, соответственно, гимнасиями. Но то, что мы называем *гимназией*, не имеет ни малейшего отношения к этим практикам. А буквальное калькирование слова “истерия” с греческого исландцами неуместно воскрешает старую лженаучную теорию, связывающую эту болезнь с “бешенством матки”¹⁹.

Еще серьезнее проблема изоляции от мировой науки: мало кто захочет читать на языке, на котором отсутствует международная общепринятая терминология, да и переводить с него охотников вряд ли много. Исландским ученым, если они хотят, чтобы их читали, приходится публиковаться на английском — даже тогда, когда речь идет об исследованиях исландских саг в оригинале.

Английскому, самому успешному языку международного общения, эти проблемы незнакомы, однако с ним свои сложности — утрата языковой преемственности со старой литературой. Литература до эпохи Шекспира практически непонятна англичанину наших дней без перевода на современный язык. При этом успешные адаптации среднеанглийской поэзии Джеффри Чосера могут осуществляться относительно легко. (Возможная аналогия — переложение на современный русский “Повести временных лет”, выполненное Д. С. Лихачевым.) А вот древнеанглийская поэма “Беовульф” уже два столетия причиняет мучения переводчикам, хотя количество переводов исчисляется десятками. Выпадение большей части исконного пласта возвышенной лексики и замена ее заимствованиями в современном английском приводит к тому, что при попытке написать самый простой подстрочник текста возникает стилистическая и смысловая како-

фония. А смена морфологии и синтаксиса языка делают почти непосильной задачей стихотворный перевод.

Таким образом, языки могут идти разными путями в том, что касается отношения к заимствованиям. Довольно сложно доказать, что какой-то из них лучше другого. Как исландский с его доведенным до крайности пуризмом, так и свободно вбирающий в себя заимствования английский вполне жизнеспособны и продуктивны в культурном отношении. А ведь между этими двумя полюсами существует бесчисленное множество оттенков.

.....

2. СЛОВА И ВЕЩИ, ИЛИ ДЛЯ ЧЕГО ЭЛЬФУ ПЕЙДЖЕР

Бытует мнение, что основная причина заимствования иностранных слов — появление новых реалий, для которых нет названий в родном языке. Это мнение нередко разделяется и профессиональными лингвистами: так, в статье “Заимствование” энциклопедии “Русский язык” под редакцией Ю. Н. Караулова эта причина поставлена на первое место как “наиболее типичная”¹. Некоторые лингвисты даже делают обратный вывод: если для какого-то понятия в языке употребляется заимствованное слово, это означает, что раньше такового в культуре не было. В этом был, например, глубоко убежден известный специалист по скандинавским языкам М. И. Стеблин-Каменский. Так, отстаивая мнение, что древних исландцев эпохи саг не волновали вопросы “авторства”, он ссылаясь на то, что в древнеисландском языке не было слова *авторство*². (Однако он же вынужден отметить двумя страницами ниже, что скальдическая поэзия не была безличным фольклором и скальды свое авторство несомненно осознавали.) В другой своей работе Стеблин-Каменский писал еще категоричнее:

...поскольку тогда не было языковых средств выражения определенных понятий, то этих понятий, скорее всего, не существовало для людей той эпохи <...> элементарный закон, которому подчи-

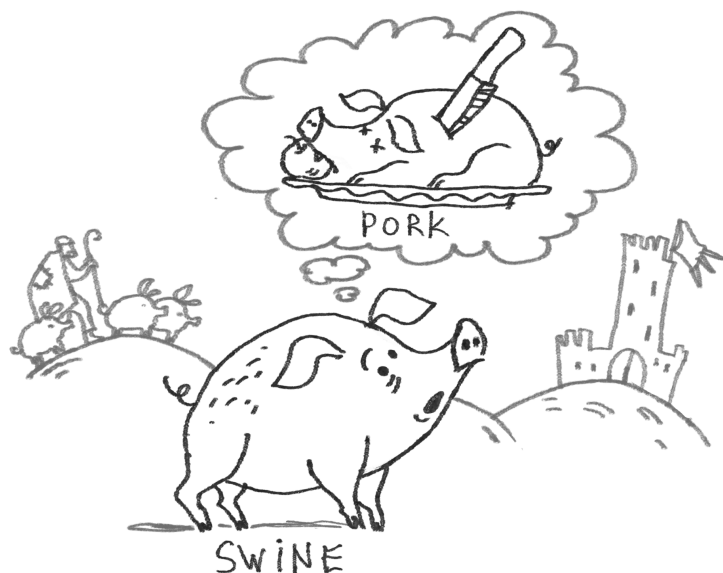
няется история любого языка, гласит, что слово, как правило, появляется не раньше, чем соответствующие понятия³.

Этот тезис он иллюстрирует как раз примерами заимствований (*электричество, структурализм, энтропия* и др.).

Такое объяснение природы заимствований интуитивно кажется здравым: ведь все мы на протяжении своей жизни регулярно сталкиваемся с появлением новых слов, явно связанных с научно-техническими новшествами. Сейчас нам абсолютно привычно слово *компьютер*, а я еще застала время, когда это устройство именовали ЭВМ (*электронно-вычислительная машина*). Вряд ли читатель моложе тридцати сейчас с ходу поймет, что такое ЭВМ, натолкнувшись на эту аббревиатуру в старой газетной статье. Ирония судьбы заключается в том, что из трех слов в сочетании *электронно-вычислительная машина* не иностранное только второе.

Иногда новые слова вспыхивают метеорами и тут же гаснут: среди самых частотных заимствований в 1990-е годы были *пейджер* (“устройство для приема текстовых сообщений, без функций телефона”) и *поляроид* (“фотокамера для мгновенной печати снимков”). Быстрое удешевление мобильных телефонов убило пейджеры, а доступная массовая цифровая фотография покончила с поляроидами. Сейчас странно открывать учебник, по которому я готовилась сдавать вступительные экзамены на филологическое отделение более двадцати лет назад — слово *пейджер* фигурирует в нем среди нововведений⁴. Нулевые озаменовались волной иноязычной лексики, связанной с едой, — *суши, роллы, капучино, ризотто* и прочие названия заграничных вкусовностей.

Учебники, казалось бы, подтверждают эту интуитивную картину: так, самый знаменитый учебник русского языка Д. Э. Розенталя, И. Б. Голуб и М. А. Теленковой в разделе, посвященном заимствованиям, приводит — если вычесть церковнославянизмы — не менее 348 примеров (338 в русский язык из иностранных и 10 из русского языка в другие языки, без указания, в какие именно). В первой группе 325 слов из 338, а во второй 10 из 10 — это нарицательные существительные, обозначающие бы-

товые, политические, кулинарные и сельскохозяйственные реалии, предметы техники, понятия философии и искусства⁵. Заимствования представлены в первую очередь как названия **вещей**. Характерно приведенное там же высказывание некоего участника дискуссии о роли заимствований в русском языке: “В наш бурный век поток новых идей, вещей, информации, технологий требует быстрого названия предметов и явлений...”⁶

Но всегда ли усвоение иноязычной лексики продиктовано необходимостью дать название чему-то прежде неизвестному? Многие, вероятно, помнят роман Вальтера Скотта “Айвенго”, действие которого происходит в Англии пару поколений спустя после норманнского завоевания 1066 г. Роман открывается сценой, в которой два персонажа ведут следующий диалог:

...А потому, Гурт, вот что я скажу тебе: покличь-ка Фангса, а стадо предоставь его судьбе. Не все ли равно, повстречаются ли твои свиньи с отрядом солдат, или с шайкой разбойников, или со странствующими богомольцами! Ведь к утру свиньи все равно превра-

тятся в норманнов, и притом к твоему же собственному удовольствию и облегчению.

— Как же так — свиньи, к моему удовольствию и облегчению, превратятся в норманнов? — спросил Гурт. — Ну-ка, объясни. Голова у меня тупая, а на уме одна досада и злость. Мне не до загадок.

— Ну, как называются эти хрюкающие твари на четырех ногах? — спросил Вамба.

— Свиньи, дурак, свиньи, — отвечал пастух. — Это всякому дураку известно.

— Правильно, “суайн” — саксонское слово. А вот как ты назовешь свинью, когда она зарезана, ободрана, и рассечена на части, и повешена за ноги, как изменник?

— Порк, — отвечал свинопас.

— Очень рад, что и это известно всякому дураку, — заметил Вамба. — А “порк”, кажется, норманно-французское слово (пер. Е. Г. Бекетовой).

Вамба прав: общеизвестно, что английское название свинины, *pork* — заимствование из французского (оно восходит к латинскому *porcus*, “свинья”). Но, согласитесь, наивно предполагать, что англосаксы до прихода Вильгельма Завоевателя разводили свиней и при этом не знали понятия “свинина”. Для чего же заимствовать это слово?

Устами своего героя Вальтер Скотт выражает мысль, что тот же закон распространяется на пары “бык — говядина” (*ox* — *beef*), “теленка — телятина” (*calf* — *veal*), и предлагает социологическое объяснение. По его мнению, причина в том, что мясо скота достается завоевателям:

...Значит, пока свинья жива и за ней смотрит саксонский раб, то зовут ее по-саксонски; но она становится норманном и ее называют “порк”, как только она попадает в господский замок и является на пир знатных особ. Что ты об этом думаешь, друг мой Гурт?

— Что правда, то правда, друг Вамба. Не знаю только, как эта правда попала в твою дурацкую башку.

— А ты послушай, что я тебе скажу еще, — продолжал Вамба в том же духе. — Вот, например, старый наш олдермен бык: покуда его пасут такие рабы, как ты, он носит свою саксонскую кличку “окс”, когда же он оказывается перед знатным господином, чтобы тот его отведал, бык становится пылким и любезным французским рыцарем Биф. Таким же образом и теленок — “каф” — делается мо-сье де Во: пока за ним нужно присматривать — он сакс, но когда он нужен для наслаждения — ему дают норманнское имя.

— Клянусь святым Дунстаном, — отвечал Гурт, — ты говоришь правду, хоть она и горькая. Нам остался только воздух, чтобы дышать, да и его не отняли только потому, что иначе мы не выполнили бы работу, наваленную на наши плечи. Что повкусней да пожирнее, то к их столу...

Это объяснение и в наше время чрезвычайно популярно в интернете. Вряд ли, однако, его стоит принимать всерьез — в конце концов, Вамба все-таки шут. Да и современным историкам известно, что мясо в Средневековье было гораздо доступнее для простонародья, чем это представлялось авторам XIX в.⁷ Что же произошло с английскими быками и свиньями?

Надо учитывать, что сохранившиеся древнеанглийские источники не балуют лингвиста перечислением продуктов. Хозяйственной документации на этом языке не вели, или же она до наших дней не дошла. Основная доля древнеанглийской лексики известна нам по поэзии, церковным сочинениям и законодательным кодексам — а там нечасто встретишь подробные описания еды.

Однако лингвист Роберт Берчфилд сумел найти ответ на этот вопрос. Ответ оказался неожиданным: разграничение между исконно английскими названиями животных и французскими названиями их мяса ненамного старше самого Вальтера Скотта. Оно утвердилось лишь в XVIII–XIX вв., в эпоху, которую Берчфилд называет “кулинарной революцией”⁸. До того галлицизмы *pork*, *beef*, *veal*, *mutton* могли относиться как к самим животным, так и к их мясу. Словари XIX в. еще помнили эти значения слов с пометкой “устаревшее”. Кстати, нет доказательств